

В углу бокового павильона Восточного дворца медленно поднимался пар от горячей воды, пытаясь разогнать осеннюю ночную прохладу и временно скрывая чуждую, но роскошную обстановку. Сяо Линьцзы, или, если быть точным, Линь Су, неподвижно сидел в деревянной бадье. Теплая вода обволакивала его худощавое тело, но не могла прогнать ледяной холод и смутение, пропитавшие его до самых костей.

Незнакомые евнухи Восточного дворца молча помогали ему мыться и переодеваться. Их движения нельзя было назвать нежными, но и издевательств не было — лишь привычная, механическая отстраненность. Горячая вода обжигала синяки, оставленные пинками Цянь Лу, отчего по телу разливалась острая боль, но он лишь стиснул зубы, не издав ни звука.

Его мысли путались, словно сбитая в ком пряжа. Наследный принц... этот небожитель, о котором ходили слухи, что его дни сочтены, зачем он спас такого ничтожного, подобного пыли, преступного раба? Мимолетная жалость? Или... у него есть иные цели?

Он не смел размышлять об этом глубоко. В глубинах дворца за любой «милостью», идущей вразрез с логикой, могла скрываться смертельная ловушка. Он давно привык ожидать худшего.

Когда его обмыли и переодели в новую форму евнуха из более тонкой и мягкой ткани, пусть и все еще синего цвета, положенного низшим слугам, это было куда лучше прежних лохмотьев. Дядя Чжун, старый евнух с добрым лицом и цепким взглядом, лично отвел его в крошечную, но чистую каморку.

— Отныне будешь жить здесь, — голос дяди Чжуна звучал ровно, в нем нельзя было уловить ни гнева, ни радости. — Служба в Восточном дворце требует строгого порядка. Глаза держи открытыми, язык — за зубами. Чего не следует видеть — не смотри, о чем не следует спрашивать — не спрашивай, а чего не следует говорить — ни слова не вымолвишь. Хорошо прислуживать Его Высочеству — твой долг и твоя удача.

Линь Су опустил голову и покорно ответил:

— Слушаюсь, дядя Чжун, я запомню ваши наставления.

Его голос был тихим, с заранее отработанной ноткой робости и низости, подобающей самому мелкому евнуху.

Дядя Чжун некоторое время изучал его, словно пытаясь что-то вычитать в опущенных веках, но в конце концов лишь сухо добавил:

— Его Высочество добр, но ты должен понимать: в Восточном дворце такая доброта — роскошь. Не доставлять принцу хлопот — вот твое высшее проявление верности.

Сказав это, он развернулся и ушел, оставив Линь Су одного в незнакомом помещении. Дверь тихо закрылась, отрезая все внешние звуки.

Напряженные нервы Линь Су наконец немного ослабли, но тело по-прежнему оставалось скованным. Он медленно подошел к жесткой кровати и сел, бессознательно потирая пальцами грубую простыню. В рукаве контур сухого листа впивался в кожу.

Это был лист платана с причудливыми прожилками, напоминающими летящую птицу.

Его пальцы слегка дрожали. Это был не просто лист. Это была единственная хрупкая связь с внешним миром — с тем прошлым, которое он отчаянно похоронил глубоко в сердце. Он спрятал его в порыве страха, почти инстинктивно. Если бы Цянь Лу или кто-то другой заметил... он не смел даже вообразить последствия.

Почему принц обратил внимание на этот лист? Или... он просто случайно увидел, как его избивают?

Мириады вопросов кружились в голове, не находя ответов. Огромная тревога, словно прилив, захлестнула его. Прыжок из одного огня в другую клетку — пусть и более роскошную, но, возможно, еще более опасную — не сулил ничего определенного.

Усталость и боль навалились волнами. Он свернулся калачиком на холодном настиле, пытаясь уснуть и найти временное спасение. Однако стоило закрыть глаза, как кошмары, которые он годами подавлял силой воли, устремились в сознание.

Небо, охваченное пламенем, отражалось в его детских, полных ужаса глазах.

Табличку с надписью над воротами грубо сорвали и швырнули на землю, где она разлетелась на куски. Золотые иероглифы Линь, которые когда-то он выводил, держась за руку отца, мгновенно покрылись грязью и следами сапог.

Пронзительный крик матери был заглушен грубыми окриками стражников. Она вложила ему в руки маленький холодный нефритовый кулон, а в следующую секунду ее насильно утащили прочь, и жемчужные шпильки рассыпались по земле.

Парчовые одежды сорвали, заменив их грубой арестантской робой, натирающей нежную кожу до крови.

Холодная и сырая Имперская тюрьма, пропитанная запахом крови и гнили. Крики и мольбы о пощаде из соседних камер, не утихавшие ни днем, ни ночью, стали кошмаром, от которого невозможно было скрыться.

Тупой чиновник ударил по столу колодкой судьи, и его голос, далекий и равнодушный, прозвучал приговором:

— Преступник Линь Вэньчжэн, вступивший в сговор с иноземцами и замышлявший мятеж, доказательства неоспоримы... Казнить всех до седьмого колена! Учитывая былые заслуги предков, малолетних детей обратить в дворцовых рабов навечно, без права на помилование!

— Отец и мать невиновны! Мы ни в чем не виноваты! — кричал он, срывая голос, но в ответ получил лишь тяжелую пощечину, и во рту мгновенно появился привкус крови.

Мучительная, невыносимая боль в палате кастрации, стыд и отчаяние, разрывавшие его на части... С того дня он больше не был Линь Су, юным господином из почтенного семейства Линь. Он стал самым ничтожным существом во дворце, маленьким евнухом, не заслуживающим даже имени — Сяо Линьцзы.

— М-м... — Линь Су резко проснулся от кошмара. Холодный пот пропитал его тонкое нижнее белье, сердце бешено колотилось, готовое вырваться из груди. Он тяжело дышал, и в темноте его ясные глаза были полны ужаса и не утихшей боли.

За окном серебрилась холодная луна, отбрасывая на подоконник причудливые тени.

Он медленно сел, обхватив колени руками, и спрятал в них лицо. Плечи непроизвольно дрожали. Эти воспоминания, сколько бы времени ни прошло, словно въевшаяся в кости болезнь, постоянно грызли его изнутри. Несправедливость, страх, ненависть и неизгладимый стыд и отчаяние от превращения в евнуха сплетались в огромную сеть, из которой не было выхода.

Все эти годы он боролся за выживание на самом дне, учась прятать все свои острые углы и эмоции, присматриваясь к людям, учась принимать самую смиренную позу, чтобы выторговать крохи пространства для жизни. Он был как мох в темном углу, безмолвно впитывающий любую крупицу полезной информации, осторожно оберегая свои ничтожные секреты и... ненависть.

Да, ненависть.

Он никогда не забывал о несправедливости, совершенной против его семьи. Эта кровавая вражда была единственным двигателем, заставлявшим его жить сквозь бесчисленные унижительные дни и ночи. Он не знал, что может сделать — как муравей-евнух мог пошатнуть ту огромную черную силу, что совершила подлог и правила всем? Но он не мог сдаться, даже ради призрачной надежды, которая почти не существовала.

Но теперь его привели в Восточный дворец, к наследному принцу Сяо Цзинъяню.

Этот принц, неспособный защитить даже себя, обладал высочайшим титулом.

Что это — бездна или... шанс?

Сердце Линь Су металось. Инстинктивно он остерегался всего, но не мог подавить в себе крошечную, пугающую даже его самого надежду.

Если... если Его Высочество действительно сможет удержаться на ногах... если...

Он резко замотал головой, пытаясь отогнать эту опасную мысль. Милость переменчива, воля небес непредсказуема. Сегодняшнее благоволение завтра может стать смертным приговором.

Он не должен легко доверяться, не должен совершить ни единой ошибки.

Главное — выжить. Как и раньше, осторожно, шаг за шагом.

А затем — наблюдать.

На следующее утро Линь Су встал рано, привел себя в порядок и заранее занял место под галереей у входа в зал, ожидая распоряжений. Он опустил глаза, приняв максимально покорный вид, стараясь превратиться в незаметный фон.

Наследный принц Сяо Цзинъянь, поднявшись, казалось, не обращал на него особого внимания, будто вчерашнее появление нового евнуха было лишь мимолетным капризом. Он по-прежнему читал книги и упражнялся в каллиграфии, и в выражении его лица сквозила легкая усталость и отчужденность.

Дядя Чжун поручил Линь Су мелкие дела: растирать тушь, приводить в порядок свитки, передавать не слишком важные вещи. Эта работа была легче, чем уборка, но она была ближе к центру власти, что требовало особой осторожности.

Линь Су выполнял все до мельчайших деталей, был молчалив, а его движения — настолько легкими, что он почти не издавал звуков. Его взгляд никогда не блуждал, но каждый вход и выход, каждая короткая остановка позволяли ему жадно собирать информацию.

Запах благовоний в зале, типы докладов, разложенных на столе (хотя он не смел читать содержание, по формату и бумаге можно было догадаться о многом), едва заметные паузы принца при чтении определенных свитков, а также выражения лиц и тон подчиненных или слуг, приходивших с докладами...

Он был как сухая губка, беззвучно впитывающая все вокруг.

Он обнаружил, что принц действительно, как и говорили, не пользуется расположением. Кроме дяди Чжуна и начальника стражи Чжао Хуайяня, у него, казалось, не было по-настоящему надежных людей. Атмосфера в зале всегда была тяжелой, с оттенком невидимого давления.

Он также остро почувствовал, что скрытые взгляды, устремленные на Восточный дворец, не исчезли. Некоторые исходили от других опустивших головы слуг, другие — от фигур, случайно проходивших мимо.

Кризис был повсюду.

После полудня, когда принц ушел на отдых, Линь Су получил приказ забрать со склада партию новой бумаги сюань.

Возвращаясь назад, он проходил через уединенную галерею и столкнулся лицом к лицу с

двумя людьми.

Это был тот самый толстый евнух Цянь Лу, избивавший его вчера, и еще один человек, одетый более пристойно, похожий на евнуха высокого ранга. Цянь Лу кивал и кланялся, что-то заискивающе нашептывая собеседнику.

Увидев Линь Су, улыбка Цянь Лу застыла, а затем сменилась нескрываемой злобой и удивлением — он явно не ожидал встретить его здесь, да еще и в новой форме.

— О-о? — Цянь Лу заговорил ехидным тоном, преграждая путь. — Не тот ли это слепой щенок, что попался мне вчера? Что, нашел себе покровителя повыше? С каких это пор порог Восточного дворца стал таким низким, что сюда пускают всякую дрянь?

Линь Су немедленно остановился, опустил голову, изображая страх, и тихо ответил:

— Господин Цянь.

Высокопоставленный евнух рядом нахмурился, оглядел Линь Су, затем бросил взгляд на Цянь Лу. Похоже, он не хотел ввязываться в неприятности и холодно произнес:

— Иди по своим делам, нечего здесь мозолить глаза.

Но Цянь Лу не хотел так легко отпускать жертву. Он шагнул ближе и понизил голос, угрожая:

— Мелкий выродок, не думай, что раз попал в Восточный дворец, то схватил бога за бороду! Говорю тебе, вода здесь глубокая, смотри, как бы не утонуть, даже не поняв, как это случилось! Будь поумнее!

Линь Су крепко прижал к груди бумагу сюань, его пальцы побелели от напряжения, а голову он опустил еще ниже:

— Раб не смеет... раб лишь выполняет приказ...

— Хм! — фыркнул Цянь Лу, собираясь сказать что-то еще, но его нетерпеливо потянул за собой высокопоставленный евнух.

Отойдя на несколько шагов, они все еще могли слышать недовольное бормотание Цянь Лу:

— ...Евнух Чжан, вы видели его... наверняка использовал какие-то грязные приемы, чтобы подлизаться...

Голос того, кого называли евнухом Чжаном, донесся едва слышно:

— ...Меньше неприятностей... тот, что в Восточном дворце... хоть сейчас и... но все же... за ним многие следят... не доставляй госпоже лишних хлопот...

Звуки постепенно затихли.

Линь Су стоял на месте, пока их фигуры окончательно не исчезли в конце галереи, и только тогда медленно поднял голову.

Солнечный свет пробивался сквозь колонны, оставляя на его лице чередующиеся тени. В глубине его глаз снова промелькнули ясность и упрямство, но их тут же накрыл слой еще более глубокой осторожности и ледяного безразличия.

Угроза Цянь Лу не стала для него сюрпризом. Но из слов евнуха Чжана он уловил более сложную информацию: положение Восточного дворца настолько тяжелое, что даже люди из свиты благородной наложницы опасаются действовать открыто.

Это не было хорошей новостью, но и худшей — тоже.

Он опустил взгляд на белоснежную мягкую бумагу в своих руках, а затем вспомнил спокойные, но полные усталости глаза принца.

Мимолетное чувство сострадания к ближнему пронеслось в душе.

Но он быстро подавил это неуместное чувство.

Выжить. Снова напомнил он себе.

Затем он глубоко вздохнул, снова опустил голову, вернув себе вид покорного слуги, и, прижимая бумагу, быстрым шагом направился к главному залу Восточного дворца.

Его шаги были легкими и уверенными, словно ничего не произошло.

Лишь контур сухого листа в рукаве, казалось, еще отчетливее отпечатался на его руке и в его сердце.

Новая обстановка, новая игра на выживание началась. И он должен быть еще осторожнее, еще бдительнее.

Какая судьба ждет его впереди? И что за человек этот принц, приведший его сюда?

Загадки множились, а холодные клинки дворцовых интриг уже были извлечены из ножен.

<http://bllate.org/book/21784/2252687>